

дебюты «КА»*

*Александра
Дмитриева*

48

Двадцать Вторая весна

* * *

КАЖЕТСЯ, что всё это не закончится никогда. Через год будет высшее образование, потом несколько лет разных работ, путешествий, пару больших мероприятий, спорт – ну так, побегать для себя. Социальные сети, одолеть мейлчип, пожить в другой стране, вернуться, опять уехать. Купить первую «однушку», сдать её, чтобы жить ближе к центру какого-то там города, а дальше – такая гулкая пустота, всё равно что кричать в бумажный пакет посреди поля.

Странно, но весело.

Хочется музицировать, диплом и в отпуск на двоих.

* * *

Всякая мелочь разворачивает дурной ход событий на полные 180, если эта мелочь – про любовь.

Я улыбаюсь хмурой продавщице в магазине этажом ниже, и она впервые за полгода опускает плечи, смотрит мне в глаза, а из голоса её пропадает хроническое недовольство. Она улыбается мне в ответ. Так начинается бытовая магия.

Безрассудно верится в возможность менять что-то к лучшему, не использовать приставку «анти» и говорить о чувстве в настоящем времени. Я видела, как это работает. И это будет покруче самого сильного заклинания.

---

* «Дебюты “КА”» – новая рубрика. Казалось бы, у нас уже есть «Новое имя». Предлагаем самим читателям разобраться, в чём сходство и различие этих схожих рубрик.

О себе:

Последние пять лет живу
в Казани, заканчиваю
филологический
факультет КФУ, люблю
хорошие книги и
путешествовать.
Нигде до этого
не публиковалась

* * *

Мы сидим на террасе неприметного ресторанчика в центре парка. Ники приехала из Мексики и рассказывает, как учит там детей. Боб недавно отыграл концерт в Праге. Пауль сидит напротив и улыбается, словно три года назад.

В ближайшие четыре часа я ни разу не прикоснусь к телефону, не вспомню о работе и не посмотрю на время. Живость этих красивых, почти тридцатилетних и вечно юных, разбросанных по миру, обескураживает и едва не сбивает с ног, этот смех гостеприимно обнимает, будто я снова там, где долго ждали. Это вне реального, ты знаешь. Я перестаю сопротивляться, и время благосклонно замедляется, щедро даря возможность осознать: я здесь, я сейчас, я благодарен за всё, я могу любить.

Боб закручивает табак в серую бумажку, а я пытаюсь вспомнить, как сказать «пепельница». Он понимает с одного жеста.

Как звали ту девочку из Испании? Она рассказывала про свадебное платье. О'кей, *Spanish girl*.

Рядом гулко подвывает пёс, привязанный к лавке с шумной компанией. Собак здесь любят если не больше, чем детей, то с той же силой. Я с удовольствием растворяюсь в происходящем.

Положительная рефлексия, положительная динамика, силы, возможность и целый долбанный мир, что принимает в свои объятия. А ты, дурила, столько лет играл в войну. Да, у нас ещё есть шанс.

Йоханна! Её звали Йоханна!

* * *

Под Катю Павлову хочется медленно танцевать. Линору Горалик громко читать, Алекса Дубаса слушать. Под Тома Уэйтса хорошо пишется, под группу «Мгзавреби» – пьётся и шутится.

Любить хочется таких, как Вадик Королёв, а выходит, – с теми, которые как Гриша Полухутенко. Смеяться лучше всего под Довлатова, ностальгировать – под *The Strokes*. Кто-то говорил, что *Pompeya* хороши для занятий любовью, а *Bjork* – для спортзала.

Всякая субъективная подборка не в счёт, а «от фильмов и книжек только вред», цитируя Лагутенко.

* * *

50

Лето наступило на тринадцатый день.

Белёлые щиколотки стыдливо выглядывают из-под юбки, в Лядском девочка лет десяти знакомит всех со своим щенком, а ласковые бабушки торгуют вишней у центральной арки. Непоседы шатаются по Профсоюзной, рассветы бесстыдно ранние, руки пахнут пылью, а улицы – свежим асфальтом.

В списках к экзаменам примерно тридцать романов, шесть пьес и весь ранний Булгаков. Последний уже успел утомить всех незадачливых филологинь, что не пропускали семинары. После сессии непременно на ретрит к волжским берегам и сетевой детокс.

А пока мы сидим на бирюзовой лавке, провожая завсегдатаев, и машем свободной рукой знакомым лицам через улицу. Нам половина века на двоих и у каждого по большому сердцу.

Традиционно хочется любви, честности и жить.

* * *

Резо Габриадзе сказал когда-то, что с возрастом наши знания расширяются, сужаются, снова расширяются. И так до тех пор, пока не останется только опыт. Опыт – это когда помнишь, что нельзя совать пальцы в розетку, ходить по нужде в крапиву и целовать безответно. Ещё опыт – это помнить, что время беспощадно, а зубы надо беречь, как честь. Это встретить забытую, казалось, любовь и вынуть из памяти несколько недель две тысячи четырнадцатого вплоть до рассвета на кухне где-то на конечной. Опыт не забывается, он раскладывается в подкорке, выбрасывая тебя на несколько лет назад по одному щелчку пальцев. Опыт – это помнить, что переезд не так страшен, люди могут обманывать, а всё живое когда-то умрёт. И весь этот опыт – единственное, что останется в самом конце.

* * *

Пару лет назад я дружила с актёром. Если честно, он не был настоящим актёром, а только заканчивал театральное училище, но мифотворчеством вокруг себя занимался так, что символисты позавидовали бы.

В тот год их курс готовился ставить «Ревизора», и прознав, что я с филологического, он долго расспрашивал, что к чему в пьесе. А я-то первокурсница с учебником древнерусской литературы, не падать же в грязь лицом: вспомнила литведчасть, честно перечитала все пять действий и объяснила Гоголя на пальцах. Наверное, это была кульминация педагогического мастерства. Потом всё как-то вниз по касательной.

Через несколько месяцев актёр уехал в другой город, чтобы по-взрослому играть в театре. Однако после себя повсюду оставлял приветы. Загляни, говорит, в театральную кассу, только обязательно сегодня. А там всегда лежали билеты на ближайший спектакль, подписанные моим именем. Пересмотрела тогда с десяток постановок в разных театрах города, восемь из них – хорошие. Честное слово, все бы последствия неразделённых любовей были такими. Ходили бы одинокие, зато какие культурные.

* * *

Суббота. 22:15. Лежу в стоматологическом кресле. Надо мной склонился неприличной красоты доктор. У него тёплые руки и специфичное чувство юмора. Называет «дорогая», обращаясь на «ты». Придумываю, что ответить на шутку, но выходит нелепо. Вообще очень сложно шутить, когда у тебя во рту руки другого человека. От абсурдности положения смеяться хочется ещё сильнее.

Пойдёмте, говорит, в хирургию. «Прям так?» – отвечаю ему, с ног до головы обвешанная голубым целлофаном. «Могу донести на руках, если очень нужно», – продолжает шутить красивый врач. Дошла самостоятельно.

Лицо онемело наполовину, я горячо дышу в ладонку. За десять минут ни одного всхлипа и минус одна маленькая косточка. Вытирает мою щёку, дескать, нечего пугать людей кровавыми ранами. Кажется, я краснею, выпаливая что-то вроде «ужасно, ужасно».

С полным ртом ваты я надеваю пальто в прихожей клиники. Параллельно выслушиваю врачебные рекомендации на ближайшие несколько дней: никаких физических нагрузок, не переохлаждаться, не перегреваться, не спать на левой щеке, не обматывать лицо шарфом (что?) и вообще быть очень осторожной.

Скорее всего, его шутки не были такими смешными. Всё стресс, анестезия и быстрота происходящего.

Такое интимное и такое абсурдное первое апреля.

* * *

Ребята говорят, что виновата Венера в ретрограде. А мне кажется, каждая двадцать вторая весна должна быть такой. Между лбом и затылком на мартовском ветру колыхнутся бумажные ленты разного цвета. Там нет места рефлексии, долгосрочным планам и вдумчивости.

Там едва ли уместятся музыка, поэзия и лекции по культуре двадцатого. Они соединятся цветом красивых глаз и уснут под бархатным чувством, крепко сжимая руки друг друга. Весь сезон – одна сплошная метафора. Апрель явится футуристом, эпатажно распуская листву. В мае мы будем искать символы в закатном небе, как Белый в 1901-м. К лету наступит закат наших локальных цивилизаций. Но до того мы ещё успеем встретиться и расстаться. И лишь бы остались силы сохранить это в памяти.

* * *

Идеального не существует. Даже в сантиметрах и килограммах сплошь погрешности. От ошибок в пунктуации к постоянным опозданиям на десять минут. Коммуникативные неудачи – от шёпота до истошных рыданий, неправильная композиция, дисгармоничное сочетание цветов или вкусов, «не так, не то».

Слышали бы нас футуристы!

Прелесть не в идеальном, прелесть в его поиске.

* * *

Иногда в сутках может быть пять часов, иногда восемнадцать, сегодня вот – двадцать три. Завтра ты выплёскиваешь стакан воды в лицо Самой-Большой-Своей-Любви, через неделю проливаешься под дверь словами о прощении и скуплящими обещаниями. Каждое твоё чувство имеет вкус, запах и цвет. Здесь диапазон расстилается от августовских яблок до скрежета доски под неправильным углом белого мелка.

Гордиться тем, кого любишь, – это рассвет, бархатно и очень крепко. В неистовстве хлопать дверьми – это ржавь, кислота и жилисто. Благодарность пахнет чем-то свежим и звучит Леонардом Коэном. *Et cetera.*

* * *

Никогда не спрашивай меня, кем я вижу себя через пять лет, десять лет, через три года или пятнадцать месяцев, прошу. Я не буду знать ответа на твой вопрос, а ты скорее всего разочаруешься, ведь мы взрослеем, мы должны быть серьёзнее.

Я точно знаю, что увижу три новые страны, на одну я даже отложила денег. Я не знаю, закончу ли университет. Я знаю, что скорее всего буду работать по четырнадцать часов, а ещё научусь готовить, как мама. Через пять лет я вряд ли сама стану мамой. Просто потому что так сложилось. Зато знаю, что через двадцать у меня будет красивый сын неопределённого пока возраста. За плечами будет огромный багаж умных книжек, а мигрени по осени всё сильнее. Дурости, надеюсь, поубавится, с самой собой станет легче.

Может быть, через пять лет меня даже где-нибудь опубликуют. Знаю, что буду любить писать ещё сильнее.

Не спрашивай меня, кем я вижу себя через много лет. Смотри на меня сейчас.

